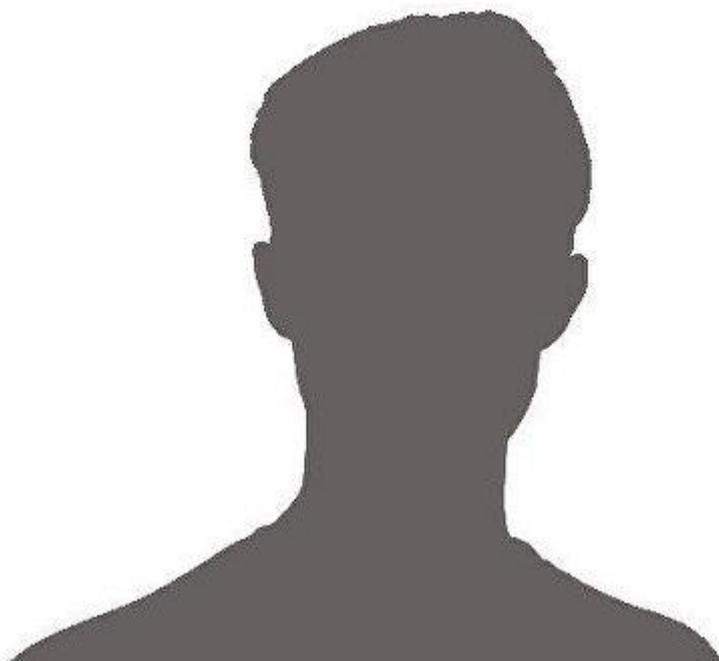

Разведчик Пётр «Старшина» о холодной голове, горячем сердце и уважении к героям

Василий Ткач

27.06.2022, 16:34

Интервью

Российский военный разведчик Пётр (позывной «Старшина», фамилию он просил не называть), неоднократно принимавший участие в специальных операциях в том числе и за пределами России, рассказал изданию Украина.ру о жизни военных, об их отношении к событиям на Украине и роли журналистов в жизни общества

Строгий взгляд, лицо воина, побывавшего во многих горячих точках, и при этом открытая и добрая душа — такое впечатление оставляет «Старшина» с первых минут общения.

— Пётр, общаясь с вами в различных, в том числе достаточно экстремальных ситуациях, я прежде всего поразился вашему спокойствию и сдержанности, которые у меня, человека гражданского, вызвали белую зависть. Как вам это удается?

— Знаете, есть такой наш советский разведчик **Рудольф Абель**, которого обменяли на летчика **Фрэнка Пауэрса**, сбитого над СССР. Есть известный современный фильм, где **Том Хэнкс** снялся в роли адвоката, который обменивал Абеля на вот этого летчика.

Адвокат этот задает разведчику вопрос: «Вам грозит три пожизненных срока, почему вы совершенно не беспокоитесь?» И он ему ответил: «А это поможет?» Если я буду нервничать и суетиться, это не поможет. А вот как раз то, о чем мы с вами говорили, холодный рассудок и горячее сердце, это, на мой взгляд, идеальное сочетание.

Когда человеку нужно сделать что-то, он должен с холодной головой это просчитать и с горячим сердцем сделать. И еще говорится — делай все с душой.

— Расскажите, что больше всего вас раздражает в журналистах?

— Знаете, я сам хотел вам задать вопрос: как сделать так, чтобы назойливый журналист — что ему сказать, чтобы он не лез?

Если по нашей практике, когда приезжают журналисты... Нашему подразделению поручали обеспечить безопасность журналистам, был у меня такой опыт. Самое главное,

чтобы они не лезли туда, куда их не просят. Если ему сказали — сиди, он должен сидеть. Если ему сказали: идем вот так, делаешь вот так, вот так и вот так — он должен это исполнять.

Если человек не соблюдает рекомендации, он, во-первых, становится обузой, а во-вторых, подвергает опасности прежде всего себя. И тех людей, которые обеспечивают его безопасность.

Вот это самое главное, что нужно учитывать в работе там, куда вы собираетесь ехать. Вот вам будут приданы какие-то ребята — постарайтесь не мешать им.

Обязательно точно изложите те цели и задачи, которые перед вами стоят. Допустим, вам нужно сделать какой-то кадр, сходить увидеть что-то своими глазами. Четко обозначили, они все это обдумали, посоветовались, решили, как это вместе с вами можно сделать. Они объявляют вам время выхода, что вам нужно сделать, что приготовить — и четкое жесткое исполнение указаний старшего группы.

Полная координация своих действий с командиром. Полная собранность, никакой расхлябанности, амуниция и личное снаряжение подтянуто, подогнано. Полное подчинение тела разуму и полная концентрация, моральная готовность ко всему. Всё те же холодный рассудок и горячее сердце.

— Что для военного, для вас лично значит работа журналиста, и какой вы хотите ее видеть?

— Знаете, как говорят: правду говорить легко и приятно. Правда, только правда и ничего кроме правды — какая бы она ни была.

Я достаточно прямолинейный по отношению ко всем. Я стараюсь не быть разным дома, с друзьями, с вами, с коллегами. Правду говорить легко и приятно, какая бы она ни была — особенно друзьям я могу высказать все, что я думаю. Ждем от вас правды и только правды — какой бы она ни была.

— Как мне видится, многие люди просто не понимают, что такое работа военного. Нет глубокого понимания, чем люди рискуют, ради чего они это делают. Как решить эту проблему?

— По большому счету неважно, как человек попадает на войну. У кого-то убеждения патриотического характера, кто-то едет за медалями, кто-то за деньгами — и такое бывает. Опять же, кому война, а кому мать родна.

Я считаю, что служить в армии и тем более воевать должны только те люди, которые готовы это делать. То есть контрактники, которые решили посвятить себя этому. Это первый момент.

Второй момент, насколько я могу судить по себе, когда ты долгое время в такой вот ситуации сложной, жизненной, боевой... Потому что война — это не только постоянная стрельба, это еще и на восемьдесят процентов быт. И коллектив настолько слаживается, что ты, когда воюешь, воюешь за братишку, который рядом. Мне кажется, что это именно так: непосредственно в тот момент, когда ты ведешь огонь, осуществляется контакт, ты воюешь ради того братишки, который рядом с тобой. Это, на мой взгляд, первичное.

Ну а попадают туда, идут воевать, по разным причинам, как я уже сказал. Для кого-то это образ жизни, кто-то поддался зову патриотизма, пошел исполнять свой гражданский долг. Он не может сидеть дома, когда в стране такое происходит. По разным причинам попадают, но воюют всегда за товарища, который рядом.

— А когда возвращаются? Сейчас это сложно представить, но, когда была, например, первая чеченская война, были журналисты, которые совершенно спокойно общались с боевиками. Как вы к этому относитесь?

— Это бич нашего государства, нашей страны. Сколько бы войн не было — весь мир ведет войны с незапамятных времен, и они никогда не прекращаются. Они либо масштабные, либо локальные. Даже если брать период со Второй мировой войны, спецопераций Советского Союза на территориях сопредельных государств было достаточно много. Поэтому война идет всегда.

Но даже из более-менее известного, начиная с Афганистана, бойцы — люди, которые возвращались после войны, так называемый афганский синдром, по истечении определённого времени становились никому не нужными кроме самих себя. Поэтому и существует братство ветеранов, боевое братство. Есть «афганцы», есть «чеченцы». Почему они существуют? Да потому что не было поддержки государства. Бросили.

Что, как с ними будет потом, никому, к сожалению, не интересно. По большому счету и сейчас оно примерно так же, как мне кажется. Сейчас за счет того, что много информации, общество больше информировано, больше это всё на виду. А тогда никаких интернетов, ютьюбов не было. И были человеческие трагедии, которые никого не интересовали, по большому счету, кроме самих пострадавших и их родственников, редких боевых друзей, которые помогали.

«Афганцы», ребята, которые служили во время войны в Афганистане — для меня это отцы, деды, на примерах которых я вырос. Первая чеченская, вторая чеченская — я ее застал, хотя не участвовал, краем там был — бросали [ребят]. Сейчас стараются, выплачивают и все на свете — но все равно это личное горе, к сожалению.

— **Что нужно сделать, чтобы о героях знали и помнили?**

— Работать с молодежью. Но, прежде всего, надо начинать с себя. Если хочешь что-то изменить, измени себя, и вокруг тебя многое изменится.

Знаете, как говорят — садик не работает, школа не работает — это должен быть институт семьи, должно быть воспитание изначально из семьи: какой папа, какая мама. Дети всегда берут пример с взрослых.

А у нас взрослые давно не лучший пример. Если взять советское время — любой абсолютно взрослый, как я помню, я рос в восьмидесятые, мог остановиться и сказать: ребята, ай-яй-яй, так нельзя, так неправильно, зачем вы мучаете кошечку или портите какую-нибудь вещь, чего вы тут вообще шумите, здесь люди отдыхают и так далее. И все: «Да, извините, мы больше не будем». Взрослый был авторитетом. А сейчас тебя и пошлют, и все они в телефонах.

Мы потеряли очень много поколений детей. Нет преемственности поколений — передачи от старших к младшим. Поэтому начинаем с себя и воспитываем своих детей. Чем больше нас будет таких, тем скорее все будет исправляться.

— **Все же нельзя не отметить, что российское общество сейчас испытывает патриотический подъем в связи с тем, как восстанавливается справедливость на Украине, как наши ребята разбивают откровенно нацистский киевский режим...**

— У медали всегда две стороны. То, что мы проиграли Украину дипломатически, это факт. То, что мы ее возвращаем, это, конечно, правильно. Нельзя допускать, чтобы твои потенциальные враги так близко подходили к твоим границам. Нечего им здесь делать, абсолютно точно.

Определенно, останавливаться нам нельзя, нас посчитают слабыми. А что делают со слабыми, из истории хорошо известно. Они быстро поглощаются, делятся на много маленьких стран — что и пытаются всю историю сделать с Россией. Какими только способами они ни пытались это сделать, но пока у них не получалось, и, я уверен, не получится.